

УДК 821.161.1Шишкин7Письмовник.07:
821.111Джойс(=161.1)

Е. Н. Рогова

Кемерово, Россия

**ТРАДИЦИИ Д. ДЖОЙСА
В РОМАНЕ М. ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК»
(СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОТИВОВ)**

Статья посвящена сопоставительному анализу произведений Д. Джойса «Портрет художника в юности», «Улисс», рассказа «Мертвые» с романом М. Шишкина «Письмовник». Использование названными авторами сюжетов о становлении художника, странствиях, иронической картины мира, элегизма влечет за собою целый ряд схожих мотивов: жизненного пути как странствия; противопоставления вечности краткой человеческой жизни; упущенных возможностей; предопределенности и повторяемости судеб; искусства, преодолевающего смерть; уподобления акта творчества рождению человека; избранности и отчужденности; слова, пропускающего свет; взаимосвязи всего сущего; единства человеческого и божественного начал; вездесущия Бога; возвращения к истокам (природе, женскому началу); бессмысленности истории; абсурдности бытия.

Ключевые слова: мотив, сюжет, поток сознания, роман, Д. Джойс, М. Шишкин, ирония, элегизм.

Влияние творчества Д. Джойса на роман М. Шишкина «Письмовник» выражается в использовании авторами единой формы повествования [1, с. 179], потока сознания. В некотором смысле все, что написано в мировой литературе после Д. Джойса в данной традиции, может быть возведено к роману «Улисс», в котором наиболее последовательно применяется метод потока сознания [1, с. 180]. Тем более это касается М. Шишкина, названного критиками «русским Джойсом» [2] (определившего свою писательскую задачу следующим образом: «рассказать о русской любви к Акакию Акакиевичу языком Джойса» [3]).

М. Шишкин исключает прямое влияния на свое творчество Д. Джойса, но допускает косвенное воздействие его стиля: «Мы пропустили Джойса и целое поколение западных писателей, их прорывы, их достижения. Для меня было очень важно понять, куда пошла западная литература. Тогда я стал изучать немецкий язык, германистику. Потом, когда я уже прочитал Джойса, я удивился. Я ожидал открытия. Но все оказалось прожевано, пережито, обработано, уже стало плотью

Рогова Евгения Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории литературы и истории зарубежных литератур, Кемеровский государственный университет (ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия; leonid@kemsu.ru; + 7 (384 2) 58 57 03)

Сюжетология и сюжетография. 2014. № 2. С. 141–150.
© Е. Н. Рогова, 2014

от плоти западной литературы второй половины XX века. Все это уже было во мне через других авторов, которые писали после него» [4].

Произведения Д. Джойса и М. Шишкина объединяет общность повествовательной формы; ассоциативность в сцеплении образов; стирание границ между разными субъектами сознания; использование мифологических архетипических структур и фольклорных мотивов; повышенная ритмизованность речи; применение лексик разных языков; а также тематическая и мотивная близость, которая связана в романах указанных авторов с использованием сходных сюжетов. «Улисс», «Портрет художника в юности» Д. Джойса и «Письмовник» М. Шишкина могут быть рассмотрены как романы о процессе творчества, искусстве, преодолевающим смерть, жизни-странствии.

В произведениях Д. Джойса и «Письмовнике» М. Шишкина в рамках сюжета о становлении художника присутствует мотив слова, пропускающего свет, который обладает рядом вариаций. В романе Д. Джойса «Портрет художника в юности» Стивен Дедал рассуждает о свойствах абсолютной красоты, соответствующих трем фазам восприятия эстетического образа, опираясь на высказывание Фомы Аквинского: «Ad pulchritudinem tria requiruntur integritas, consonantia, claritas» («Три условия требуются для красоты: целостность, гармония, сияние» [5, с. 213]) (здесь и далее используется перевод романа М. Богословской). О сиянии Стивен Дедал рассуждает подробно: «Сияние, о котором говорит Аквинский, в схоластике – quidditas – самость вещи. Это высшее качество ощущается художником... когда высшее качество красоты, светлое сияние эстетического образа, отчетливо познается сознанием, остановленным его целостностью и очарованным его гармонией...» [5, с. 213]. Самость вещи, сияние образа, занимающие сознание Стивена Дедала, становятся предметом рефлексии и Владимира, героя «Письмовника» М. Шишкина, подлинный смысл которых открывается ему после полученных уроков жизни, физических и духовных испытаний.

В первой части романа «Улисс» Д. Джойса, в эпизоде, посвященном размышлениям Стивена Дедала об актуализации возможного по Аристотелю, о лучающейся душе, возникает вариация мотива слова, пропускающего свет: «Фраза Аристотеля сложилась из бормотанья ученика и поплыла вдаль, в ученую тишину библиотеки... Мысль – это мысль о мысли. Безмятежная ясность. Душа – это, неким образом, все сущее: душа – форма форм. Безмятежность неожиданная, необъятная, лучающаяся: форма форм» [6, с. 24] (здесь и далее используется перевод с английского С. Хинкиса и С. Хоружего). В сознании Стивена мысль противопоставлена безмятежности и полной свободе формы форм – душе. Образ Стивена, художника, связан в «Улиссе» с *мотивом модальности зримого, души, просвечивающей сквозь пелену видимых предметов*: «Наши души... льнут к нам как женщина... Куда только, шут меня возьми, я тащу ее за завесу? В неотменимую модальность неотменимой зримости» [6, с. 41]. Аллюзии на Ф. Аквинского (рассуждения о самости вещи), Аристотеля (высказывания о форме форм), Платона (идея вещи), Беркли (мысли о зримом и истинном) в «Улиссе» соотносятся с темой творчества, поиском формы, свободно пропускающей истину, свет. В «Портрете художника в юности» присутствует мотив «преломления мира сквозь призму... языка» [5, с. 163], который может быть рассмотрен как вариация мотивов истины, просвечивающей сквозь предметы, и души, проступающей сквозь слово в «Улиссе».

Сюжет о становлении художника в «Портрете художника в юности», «Улиссе» Д. Джойса и «Письмовнике» М. Шишкина способствует возникновению мотива избранничества творческого субъекта, наделенного даром провидения истины (света, души) в материальный мир. В «Письмовнике» в рассуждениях героя, художника, о зримом мире и его сути, заметна близость мыслям Стивена Дедала

о душе, находящейся за завесой зримости: «Понимаешь, Сашка, наверно, так: вещественная, видимая оболочка мира – материя – натягивается, засаливается, трется и протирается до дыр, и тогда в дырку, как палец ноги из рваного носка, лезет суть» [7, с. 874]. В «Письмовнике» Владимир приходит к выводу о свободе искусства, которая достигается прозрачностью слов: возможностью души «просвечивать» сквозь слова: «Видел слова, а не сквозь слова. Это как смотреть на оконное стекло, а не на улицу. Все сущее и мимолетное отражает свет. Этот свет проходит через слова, как через стекло. Слова существуют, чтобы пропускать свет» [7, с. 955]. Герой «Письмовника» осознает, что искусство является способом преодоления смерти, мотив придания смысла сущему с помощью прохождения сквозь слова, форму, присущий романам Д. Джойса «Портрет художника в юности» и «Улисс», характерен и для произведения М. Шишкина: «В какой-то момент я остро ощутил связь: мерзлую вселенскую пустоту... может заполнить только то чудесное гудение, шелест, рокот, прибой слов. Получалось, что ежеминутное, преходящее становится радостным и осмысленным только тогда, когда оно проходит сквозь слова» [7, с. 952].

Как и Стивен Дедал, герой «Письмовника» (в рамках сюжета о становлении художника) испытывает веру в спасительную силу искусства и сомнения, осознает важность собственных чувств, эмоций, запечатленных в словах: «То, что я сейчас испытываю, – намного важнее сотен и тысяч слов» [7, с. 955]. Мотив противопоставления жизни букве, бессилия слов перед насыщенностью чувств присущ и рассказу Д. Джойса «Мертвые» из сборника рассказов «Дублинцы»: «Почему все эти слова кажутся мне такими тусклыми и холодными? Не потому ли, что нет слова, достаточно нежного, чтобы им назвать тебя?» [8, с. 264] (перевод О. Холмской).

Для самоопределения Стивена Дедала и Владимира, героя «Письмовника» М. Шишкина, важным является образ Гамлета. В романе «Улисс» Д. Джойса тема творчества сопряжена с темой выбора Стивена Дедала, мотивом верности избранному пути, в чем кроется единственная возможность для свободы: «...торю я тропу над черно-серебристыми скалами, слыша искусительный поток Эльсинора» [6, с. 38]. Ассоциативный образный ряд фрагмента (черно-серебристый цвет бороды призрака в «Гамлете», искусительный поток Эльсинора [9, с. 567]) сближает образ Стивена Дедала с образом Гамлета У. Шекспира, оба предпринимают выбор под влиянием долга служения Отцу, собственному пути. Владимир видит связь любого человека с судьбой Гамлета в несвободе и предопределенности жизненных событий: «Еще ничего не случилось... но он уже Гамлет» [7, с. 833]. Жизнь-странствие открывает Владимиру трагизм человеческого существования, неизбежность страданий и бессилие искусства что-либо изменить в истории. С образом Гамлета в «Письмовнике» соотносится также мотив абсурдности, непознаваемости бытия, как и в произведениях Д. Джойса: «Солдаты – никогда не читали Шекспира и не прочитают, но знают, что перед боем не надо есть, это осложнит ранение в живот... Что им монологи датского принца? Быть или не быть? Смешно. И не понятно» [7, с. 1045–1046].

Темы искусства и божественного начала взаимосвязаны в произведениях Д. Джойса и М. Шишкина. Понятие единосущия в «Улиссе» предполагает равновеликость человека Богу (сына и Святого духа) и устремляет художника к осуществлению уже присущего ему знания, а движение по жизни предполагает путь к самому себе. По мнению Стивена Дедала, в «Гамлете» призраком является сам Шекспир, а Гамлет, его сын, повторяет отца: «И спасительным ключом оказывается богословское понятие единосущия, которое постоянно в душе у Стивена... В силу него Сын не отличен по сущности от Отца, несет ту же отцовскую сущность в себе – и, избавляясь от бесплодных поисков, обретает самостояние, суве-

ренное достоинство» [9, с. 593]. В «Улиссе» Д. Джойса неизбежным в человеческой жизни является предательство, мотив неизбежности предательства объединяет персонажей произведения, сближает их: предан женой У. Шекспир (эта, фактически, личная гипотеза Стивена, идея чрезвычайно его занимает), предан друзьями Стивен, предан своей женой Леопольд Блум. В «Цирцее» «Улисса» Д. Джойса, в главе, оформленной как пьеса, в которой гротескно и абсурдно высвечиваются все темы романа, единство образов персонажей проявляется в ремарке, демонстрирующей, по сути, их двойничество: «Стивен и Блум смотрят в зеркало. Там появляется лицо Вильяма Шекспира, безбородое, с застывшими параличными чертами, венчаемое отражением оленьих рогов, вешалки в передней» [6, с. 398]. Мотив предательства в «Улиссе» ведет к образу Христа, формируя тесную взаимосвязь между героями (Стивен Дедал – Леопольд Блум – У. Шекспир – Гамлет – Христос), в контексте романа символических «двойников», принимающих страдания от окружающего их мира. Имя героя, Стивен Дедал, в «Улиссе» обладает рядом значений, одно из которых указывает на неизбежные страдания поэта: «Стивен – от христианского первоученика Стефана: судьба художника – быть непонятым и гонимым, быть жертвой» [9, с. 551]. В. Набоков говорит о соотношении образов Стивена Дедала и Леопольда Блума в «Улиссе» следующее: «Джойс переплел пути Стивена и Блума гораздо теснее, чем думают обычно» [10, с. 415]. В. Набоков отмечает эпизод отражения Блума в зеркале, упуская, что в него смотрятся два человека. С. Хоружий полагает, что ожидания Блума в отношении Стивена не осуществились, читатель не видит сближения героев («... соединение «отца» и «сына» не состоялось») [9, с. 657], но в символическом плане роман дает такое единение образов, которое позволяет говорить об их духовном родстве. В Блуме, мелком рекламном агенте, который говорит о себе: «Род моей деятельности – литература. Я писатель и журналист» [6, с. 346], – «дремлет художник» [10, с. 436], что объясняет симпатию героя к Стивену Дедалу, поэту. Понятие единосушия позволяет увидеть в персонажах романа «Улисс», Стивене Дедале и Леопольде Блуме, «отца» и «сына», независимо от их хронологического сближения или расхождения: «Ex quibus... Christus или Блум его имя, или в конце концов какое угодно, secundum carnem» («От них... Христос... по плоти») [6, с. 443]. Александра и Владимир в «Письмовнике» тоже могут быть рассмотрены как «двойники» («Говорю твоими словами. Смотрю твоими глазами. Думаю как ты. Пишу как ты», – замечает Александра [7, с. 814]): они проходят странствие от рождения до смерти, путь обретений и утрат, получают схожие жизненные уроки. Письма героев М. Шишкина обладают общностью стиля, формируют своеобразные пары из вопросов и ответов, единое послание о жизни людей.

Мотивы повторяемости человеческих судеб и проявления божественного начала, света в каждом человеке, играющие важную роль в «Письмовнике» М. Шишкина, могут быть сопоставлены в «Улиссе» Д. Джойса с идеей возвращения истории: «История повторяется. О горные вершины я к вам вернулся вновь. Жизнь и любовь путешествуют вокруг земного шарика... Все возвращается. Думаешь, убежал и налетаешь на самого себя» [6, с. 292]. Мотив повторяемости связан с мотивом единосушия, возникающем в «Улиссе» рассуждениях в Стивена Дедала: «Мы бредем сквозь самих себя, встречая разбойников, призраков, великанов, стариков, юношей, жен, вдов, братьев по духу, но всякий раз встречая самих себя. Тот драматург, что написал фолио мира сего... властелин всего сущего... вне всякого сомнения, есть в каждом из нас...» [6, с. 165]. В романе М. Шишкина идея о единосушии людей проявляется, как и в «Улиссе», в повторении одних и тех же словосочетаний, образов в речи и мыслях разных персонажей, что стирает границы между субъектами сознания, реализуя мотив взаимосвя-

зи всего в мире. Для Д. Джойса и его героя Стивена Дедала «Гамлет» У. Шекспира посвящен единосущию отца и сына, повторению человеческих судеб. В «Письмовнике» Владимир цитирует У. Шекспира, возникает мотив взаимосвязи жизни, искусства и вечности: «Помню, читаю в «Гамлете»: «Распалась связь времен». И мне все было ясно. Что тут не понять? А по-настоящему здесь только понял. Теперь знаю, что он имел в виду. Знаешь, о чем на самом деле писал Шекспир? О том, что эта связь восстановится, когда мы снова встретимся и я положу голову тебе на колени» [7, с. 1048]. О распаде связей рассуждает и Стивен Дедал в «Улиссе» («...распад в домах: у меня, у него, у всех... Не здесь красота» [6, с. 34]. В «Портрете художника в юности», «Улиссе», «Письмовнике» М. Шишкина миссией героя-странника, художника, всечеловека является поиск гармонии, красоты, вечных ценностей, божественной любви. Высокое предназначение поэта в произведениях Д. Джойса и М. Шишкина подвергается иронии, человек остается отчужденным от общества, будучи марионеткой природных и социальных сил. Отсюда самоирония героев Д. Джойса и М. Шишкина, противоречивость мыслей и отношения к искусству.

Мотив присутствия Бога во всем, в малом и великом, характерен для «Улисса» Д. Джойса и «Письмовника» М. Шишкина. В «Улиссе» в диалоге Стивена Дедала с мистером Дизи о смысле политических и социальных процессов возникает образ хоккейной игры мальчиков, которая выступает фоном для мыслей Дедала о тщетности истории: «История, – произнес Стивен, – это кошмар, от которого я пытаюсь проснуться... На поле снова крики мальчишек. Трель свистка: гол. А вдруг этот кошмар даст тебе пинка в зад?... Вся история движется к единой цели, явлению Бога... Вот Бог... Крик на улице...» [6, с. 30]. «Письмовник» открывается описанием вселенского взрыва и упоминанием об игре в мяч, эти образы равнозначны по важности, в мире все равновелико, все осуществляет свое предназначение: «Причем все якобы существовало до взрыва – и все еще не сказанные слова, и все видимые и невидимые галактики. Так и в песке уже живет будущее стекло, и песчинки – семена вот этого окна, за которым как раз пробежал мальчишка с мячом, засунутым под футболку» [7, с. 811]. Мотив игры мальчишек в мяч в контексте «Улисса» Д. Джойса и в «Письмовнике» М. Шишкина развивается на фоне исторических (вселенских) событий. Вместе с тем и для Д. Джойса, и для М. Шишкина история бессмысленна, а человек, его частная жизнь обладают безусловной ценностью. Стивен Дедал испытывает внутреннее родство со всеми «странниками» и «скитальцами», брошенными судьбой на «турнир» жизни (и с мальчишками, играющими в мяч, и евреями, глаза которых знали «годы скитаний» [6, с. 30]): «Пронзительные крики донеслись с поля и трель свистка. Еще гол. Я среди них, в свалке борющихся тел, на турнире жизни... На встряску время отзывается встряской, раз за разом. Турниры, грязь и рев битв, застывшая предсмертная блевотина убитых, вопль копий, наживленных кровавыми человеческими кишками» [6, с. 29]. Детская игра вызывает у Стивена Дедала ассоциации с турнирами в мире взрослых, войнами. В «Письмовнике» сюжет странствий влечет за собою мотив неизбежности жизненных испытаний, в числе которых является война. Мотив жестокости, абсурдности, равнодушия истории по отношению к отдельному человеку характерен как для творчества Д. Джойса, так и для «Письмовника» М. Шишкина, в котором разворачивается изображение обобщенного образа войны. Натурализм описания войны в «Письмовнике» выполняет ту же функцию что и в «Улиссе»: продемонстрировать бесчеловечность любых сражений.

В «Улиссе» Стивену Дедалу открывается взаимосвязь человеческих судеб: «Пуповины всех идут в прошлое, единым проводом связывают перевивают всю плоть. Вот почему монахи-мистики...» [6, с. 32]. В «Улиссе» мотив пуповины,

опутывающей всех людей единым грехом, дан в ироническом ключе, наряду с мотивом разрушения единства. Героине «Письмовника» приходит в голову мысль о связи всех существ единой пуповиной: «У тебя пупок узелком, я помню. А у меня колечком. У мамы тоже колечком. Колечко в бесконечной цепочке. И получается, что я за него подвешена в этой цепи людей. Вернее, цепочка эта идет ведь дальше. И в обе стороны. И за нее все подвешено. Так странно: вот это колечко у меня в животе и есть пуп земли. И та цепь, которая проходит через него, – это и есть ось вселенной, вокруг которой движется мироздание...» [7, с. 849]. Для Владимира в «Письмовнике» сближающей людей «пуповиной» выступают слова: «Через слова протянулось от того человека ко мне то, что сильнее и жизни, и смерти, особенно если понять, что это одно и то же» [7, с. 953].

Единство божественного мира проявляется в мотиве единого ритма Вселенной в «Улиссе» Д. Джойса и «Письмовнике» М. Шишкина. В мыслях Стивена Дедала скрип ракушек и водорослей под ногами формирует ассоциативный ряд размышлений о необратимости движения бытия, его шагов: «...Не в вечность ли я иду по берегу Сэндимаунта? Хруп-крак-скрип-скрип... Не придешь ли в Сэндимаунт, Дороти-кобылка? Смотри, вырисовывается ритм. Полный четырехстопник, шаги ямбов. Нет, галоп: роти кобылка [6, с. 32]. Общая природа сущего проявляется, по мнению Стивена Дедала, в ритме, мотив ритмичности всего живого, рифмующегося мира, характерен и для романа М. Шишкина. Героине «Письмовника» открывается единство бытия, наличие в нем связующего ритма: «Все рифмуется! Посмотри кругом! Это же рифмы! Вот мир видимый, а вот – если закрыть глаза – невидимый... Все на свете зарифмовано со всем на свете. Эти рифмы связывают мир... И самое удивительное, что эти рифмы всегда были...» [7, с. 814].

Мотив взаимосвязи людей соотносится в творчестве Д. Джойса и М. Шишкина с образом родителей, мотивами повторения человеческого пути, главного слова о жизни и смерти, слова о любви. В «Улиссе», эпизоде, посвященном воспоминаниям о матери, в сознании Стивена Дедала переплетаются образы из стихотворения У. Б. Йетса «Кто вслед за Фергусом», пейзажа и умирающей матери: «Облако медленно наползает на солнце... Песня Фергуса. Я пел ее, оставшись дома один, приглушая долгие сумрачные аккорды. Дверь к ней была открыта: она хотела слышать меня. Безмолвно, с жалостью и благоговением, я приблизился к ее ложу. Она плакала на своем убогом одре. Над этими словами, Стивен: над горькой тайною любви» [6, с. 12]. Мотив объединяющих слов любви, звучащих в произведениях искусства, проходит через все произведение Д. Джойса, появляется в эпизодах, посвященным разным героям. Леопольд Блум, вслушиваясь в арию Амины «Все уже потеряно» из оперы «Сомнамбула» В. Беллини, исполняемую Сэймоном Дедалом, испытывает родство со всеми человеческими сердцами, жаждущими любви: «Сквозь тишину зывал к ним негромкий голос, не дождя шелест, не шепот листьев, не похожий на голос ни струн, ни свирелей, ни, как уж их там, цимбалов, касающийся их притихшего слуха словами, их притихших сердец воспоминаниями о жизни – своей у каждого... Ее милосерное мягколюбное нежнолюбимое слово. Это любовь поет. Все та же сладкая песня любви» [6, с. 212–213]. Мотив слова, несущего спасение, характерен и для «Письмовника». Владимир, подобно Стивену Дедалу, осознает как беспомощность, так и всемогущество слов: «То, что я испытываю, – намного важнее сотен и тысяч слов. Скажи, как можно передать словами эту готовность к жизни, которая меня переполняет?.. Знаю, что написанное письмо все равно как-то дойдет до тебя, а ненаписанное – исчезнет бесследно. Вот и пишу тебе, Сашенька моя» [7, с. 956].

Сюжет странствий связан с темой пути, мотивом корабля в произведениях Д. Джойса и «Письмовнике» М. Шишкина. В «Портрете художника в юности» Стивен Дедал избирает для себя пример для подражания, образ хитроумного

Одиссея, странника, о чем признается, определяя своей целью поиск формы жизни или искусства, в которой можно свободно выразить свой дух: «...я буду стараться выразить себя в той или иной форме жизни или искусства так полно и свободно, как могу, защищаясь лишь тем оружием, которое считаю для себя возможным, – молчанием, изгнанием и хитроумием» [5, с. 247]. Сюжет странствия соотносится и с сюжетной линией Леопольда Блума, Улисса, дню жизни которого, символизирующего человеческий путь, посвящен роман Д. Джойса. В «Улиссе» мифологической основой выступает миф об Одиссее, его морских странствиях, морская символика, глава «Сирены» органично соотносится с образом корабля странствий в романе: «...корабль улицы продолжал маневрировать...» [6, с. 457]. Тот же мотив пути в «Портрете художника в юности», в дневнике Стивена Дедала: «В путь, в путь! Зов рук и голосов: белые руки дорог... и черные руки высоких кораблей..., их рассказ о далеких странах..., они вызывают ко мне, своему брату, готовые в путь...» [5, с. 253]. Корабли странствий, Стивен Дедал, Леопольд Блум направляются в поисках самих себя, чтобы во внешнем мире найти воплощенный то, что живет как возможность в их внутреннем мире: «Метерлинк говорит: Если сегодня Сократ выйдет из дому, он обнаружит мудреца, сидящего у своих дверей. Если нынче Иуда пустится в путь, этот путь приведет его к Иуде... Тот драматург, который написал фолио мира сего... есть все во всем в каждом из нас...» [6, с. 165]. Движение корабля жизни к любви, Богу, свету, которые суть сам человек, «закольцовано» от себя к себе (по словам персонажа «Письмовника», «переселение душ происходит постоянно, просто мы переселяемся сами в себя» [7, с. 1064]). В первой части «Улисса» образ корабля с тремя крестами салингов, движущийся против течения, символизирует судьбу, ее таинственность и неотвратимость: «Прнося в воздухе высокие перекладины трех мачт, с парусами. Убранными по трем крестам салингов, домой, против течения, безмолвно скользя, безмолвный корабль» [6, с. 42]. Последняя фраза романа «Письмовник», символизирующая близость творчества и жизни, содержит сравнение корабля с трудом писца: «...счастлив бысть корабль, переплывши пучину морскую, так и писец книгу свою» [7, с. 1085]. Завершенная жизнь героев в «Письмовнике» совпадает с финалом написания книги, формируя мотив преодоления смерти силой слова, искусства, ковчегом слов, о котором Владимир пишет возлюбленной: «И вот я тоже строил свой ковчег. Только мой ковчег был не из бревен, а из слов» [7, с. 998]. По элегической логике произведений Д. Джойса и М. Шишкина, каждый человек является странником, осуществляющим жизнь-фабулу, как говорит о своем отце героиня «Письмовника»: «Отец давно говорил, что собирается писать мемуары... Шутит, что пишет книгу жизни... брошюрку бытия» [7, с. 1062]. Ирония в анализируемых произведениях в том, что тема свободы творчества сочетается с несвободой и предопределенностью человеческой жизни-осуществления: «...секрет дежавю... в том, что в книге бытия все это написано... оживает опять, когда кто-то снова читает ту страницу, которая уже была когда-то прочитана» [7, с. 858].

С темами родителей, жизни и смерти в творчестве Д. Джойса и романе М. Шишкина «Письмовник» связаны элегические мотивы воспоминания, краткости человеческой жизни и «мимолетных радостей». В сознании Стивена Дедала воскресают образы-детали из прошедшего детства, ассоциирующиеся с матерью: «Ее секреты в запертом ящичке: старые веера из перьев, бальные книжечки с бахромой, пропитанные мускусом, убор из янтарных бус... Мимолетные радости, заботливо сложенные, надушенные мускусом... Сложены в памяти природы, вместе с ее детскими игрушками [6, с. 12]. Мотив «мимолетных радостей» проходит через весь «Письмовник» и завершается роман перечислением мельчайших деталей жизни, которые, умирая, уносит с собою герой: «Нужно взять с собой все

важное, ничего не забыть... ненужное – самое необходимое... колочки репейника... лист из гербария... И поленницу книг на полу в твоей комнате. И мамино кольцо, которое еще только кружится по подоконнику, подпрыгивая прозрачным золотым шариком, тренькая...» [7, с. 1086]. Мотив человеческого пути, сотканного из мелочей, «кусочков жизни» [7, с. 999] присутствует в «Письмовнике» в эпизоде воспоминания Александры об умершей матери: «Перебирала мамины вещи. Расчески, пудреницы, зеркальца... – все, что не может существовать без женщины...» [7, с. 1042]. С мотивом мимолетных радостей жизни в произведениях Д. Джойса и М. Шишкина сопряжен элегический мотив упущенных возможностей, сожаления об ушедшей жизни (нерожденный сын Владимира, ненаписанная им книга, нерожденная дочь Саши в «Письмовнике», отсутствие наследника у Леопольда Блума в «Улиссе»). Малая, частная человеческая жизнь в «Письмовнике» противопоставлена вечности: «А где та круглая галька, которая вечность?.. А я ее выбросил... Вечность подпрыгнула на воде пару раз и булькнула, только круги остались...» [7, с. 1085]. В «Письмовнике» образ вечности равнодушной к смерти отдельного человека контрастирует с темой напряженного желания жить любого существа, что выражается в мотиве «визга жизни»: «Ведь всякое существо и всякая вещь каждое мгновение вот так вырывается и визжит. Просто нужно во всем услышать этот визг жизни – в каждом дереве, в каждом прохожем...» [7, с. 837]. Мотив визга жизни-гальки, обреченной на смерть, противопоставленной равнодушной вечности присутствует в «Улиссе»: «...песок исчез у него из-под ног. Ботинки снова ступали по... визгливой гальке... Топкие окошки песка коварно подстерегали его подошвы, смердя сточными водами, яма с морской травой, истлевшей... под кучей людского праха» [6, с. 35].

Мотив жизненного пути, как пути к себе, влечет за собою образ Творца, мастера, являющим собою alter ego Стивена Дедала Д. Джойса и Владимира, героя «Письмовника». В финале «Портрета художника в юности» Стивен выбирает путь творчества, странничества, восклицая: «Я ухожу, чтобы в миллионный раз познать неподдельность опыта... Древний отче, древний мастер, будь мне отныне и навсегда доброй опорой» [5, с. 253]. В «Улиссе», в эпизоде «Цирцея», с Леопольдом Блумом ведет диалог его дедушка, Липоти Вираг, образ фантазмагорического, гротескно воплощающий подсознание Блума. В «Цирцее» образ Липоти Вирага карнавалено подвижен, связан с темами любви, смерти, тайного знания, многократно перевоплощается на протяжении эпизода, но в одной из своих ипостасей близок образу мастера, к которому обращается Стивен Дедал, так как называется базиликограмматом и возникает с торчащими за ушами гусяными перьями. С. Хоружий в комментариях указывает на связь образа Вирага с темой священного характера письма: «...базиликограммат – вариация “иерограммата”, священнокнижника в Древнем Египте, символизирующего священную природу письма и выступавшего в ритуальных шествиях с чернильницей и пером» [9, с. 644]. Иронический образ Вирага обнажает неоднозначность характера Леопольда Блума, его способность к творчеству, открывающему путь к вечности. В «Письмовнике» Владимир, уходя из жизни, дописывает свое письмо, в его сознании возникает диалог с субъектом, воплощающим его творческую сущность, аналогом мастера в произведениях Д. Джойса. В «Письмовнике» мастер, летописец, произносит фразу об осуществлении внутреннего человеческого (и божественного) потенциала, встрече с творцом внутри себя: «Люди становятся тем, чем они всегда были, теплом и светом» [7, с. 1086].

В «Улиссе» Д. Джойса образ жены Леопольда Блума, Молли, оказывается «путеводным» в целостном строе романа. Глава «Навсикая» в «Улиссе» посвящена женскому сознанию, стереотипам, специфическому гендерному восприятию мира. В «Письмовнике» М. Шишкина присутствует мотив взаимосвязи женского

и мужского начал. Действие сюжета в «Улиссе» и в «Письмовнике» направлено к женскому образу, мифологическим истокам бытия, жизни, природе, самому себе: Блум стремится домой, к Молли, герой «Письмовника» М. Шишкина – к своей возлюбленной, ее коленям. Последняя слово Молли в романе «Улисс», «да», знаменует движение героини навстречу герою, любви. Идут друг к другу Владимир и Александра в «Письмовнике», осуществляя человеческое и божественное, любовь, которая сильнее смерти: «С каждым днем ты мне все ближе и ближе» [7, с. 1079].

Традиции Д. Джойса в романе М. Шишкина «Письмовник» связаны с использованием общего для названных писателей приема потока сознания, а также сюжетов о становлении художника и странствиях, иронической картины мира, проявляющейся в «...рассогласовании внутренних границ “я” героя с внешнесобытийными границами его существования» [11, с. 84], и элегизма («...умалении “я” относительно событийных границ его причастности ко всеобщей жизни» [12, с. 302]), играющего важную роль в качестве субдоминанты при преобладающей иронической эстетической доминанте [13, с. 128]. Сюжеты о становлении художника и странствиях в произведениях с преобладающей иронической целостностью и элегической художественной субдоминантой влекут за собою сходные темы и мотивы в «Улиссе», «Портрете художника в юности», «Мертвые» Д. Джойса и «Письмовнике» М. Шишкина: искусство, преодолевающее смерть; слово, пропускающее свет; бессилие искусства перед смертью; избранность и отчужденность; взаимосвязь всего сущего; единство человеческого и божественного начал; вездесущие Бога; возвращение к истокам (природе, женскому началу); уподобление акта творчества рождению человека; безусловная ценность частной жизни; упущенные возможности; бессмысленность истории; абсурдность бытия; несвобода и предопределенность.

Список литературы

1. *Рымарь Н. Т.* Поток сознания // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
2. *Гольденцвайг К.* Германия высоко оценила русского Джеймса Джойса // <http://www.ntv.ru/novosti/232270#ixzz2vRqhG5x5> (дата обращения 09.03.2014).
3. *Оробий С.* «Словом воскреснем»: истоки и смысл Михаила Шишкина // <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/8/or14.html> (дата обращения 09.03.2014).
4. *Иванов С.* Писатель должен ощутить всеисилие // <http://web.archive.org/web/20101114115848/www.kontrakty.ua/proekty/rejtingi/19431-mixail-shishkin-lpisatel-dolzhen-oshhutit-vsasilier> (дата обращения 09.03.2014).
5. *Джойс Д.* Портрет художника в юности. СПб.: Изд. дом «Кристалл», 2002. 256 с.
6. *Джойс Д.* Улисс. М.: Республика, 1993. 671 с.
7. *Шишкин М. П.* Письмовник // Шишкин М. П. Три прозы: Взятие Измаила. Венерин волос. Письмовник. М.: Астрель, 2012. 1085 с.
8. *Джойс Д.* Мертвые // Джойс Д. Дублинцы. М.: Вагриус, 2007. 400 с.
9. *Хоружий С.* Вместо послесловия // Джойс Д. Улисс. М.: Республика, 1993. 671 с.
10. *Набоков В.* Лекции по зарубежной литературе. М.: Изд-во «Независимая газета», 1998. 512 с.
11. *Тюпа В. И.* Ирония // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 84–85.
12. Элегическое // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 302–303.

Литературная жизнь сюжета

13. Тюна В. И. Модусы художественности // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 127–128.

E. N. Rogova

Kemerovo, Russian Federation

**TRADITIONS OF J. JOYCE IN M. SHISHKIN'S NOVEL PISMOVNIK
(COMPARATIVE ANALYSIS OF MOTIFS)**

The article is devoted to comparative analysis of works of J. Joyce «A Portrait of the Artist as a Young Man», «Ulysses», short story «The Dead» with M. Shishkin's novel «Pismovnik». Use of plots about artist's formation, travels, ironical world outlook, elegiac motifs by the above-mentioned authors results in a number of similar motifs: course of life as a travel; opposition of eternity to short human life; lost opportunities; predestination and recurrence of human fate; art that overcomes death; assimilation of the creative act to human birth; choosiness and estrangement; word that admits light; interconnection of everything that exists; unity of human and divine principles; omnipresence of God; return to origins (nature, femininity), senselessness of history.

Key words: motif, plot, stream of consciousness, novel, J. Joyce, M. Shishkin, irony, elegiac motifs.

Rogova Evgeniya N. – candidate of philology, associate professor of the Department of Theory of Literature and Foreign Literatures of Kemerovo State University (6 Krasnaya Str., Kemerovo, 650000, Russian Federation; leonid@kemsu.ru; + 7 (384 2) 58 57 03)